

УДК 821.111(73)09«18/20»-32+821.161.1.09«18/20»-32+81'42

**ДИАХРОНИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ПРЕДСТАВЛЕНИИ КОММУНИКАЦИИ
(на материале русских и американских рассказов
рубежа XIX–XX и XX–XXI вв.)**

А. П. МЕРЧИ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

На материале 24 русских и американских рассказов рубежа XIX–XX и XX–XXI вв. с примерно равным объемом повествования от первого и третьего лица исследовано количественное соотношение в текстовой ткани произведений таких компонентов, как наррация (авторское повествование) и коммуникация персонажей, представленная в виде прямой речи либо пересказа нарратора (более или менее свернутая речь). Установлено, что средний удельный вес коммуникативного компонента в рассмотренных рассказах на протяжении XX в. представлял собой некую константу, заполняя приблизительно четверть объема произведения. Средний удельный вес прямой речи в коммуникативном компоненте уменьшился на 1,5 %, что указывает на снижение изобразительности в представлении общения. Отмечено, что дисперсия различий в удельном весе коммуникативного компонента рассказов за столетие существенно повысилась: в рассказах рубежа XIX–XX вв. он составляет 11,1–70,5 %, в текстах рубежа XX–XXI вв. равен 9,2–44,9 %, что свидетельствует о возрастании разнообразия рассказов в аспекте представления коммуникации. Выявлено, что в произведениях рубежа XX–XXI вв., повествование в которых ведется от первого лица, несколько вырос по сравнению с рассказами рубежа XIX–XX вв. средний удельный вес прямой речи в составе коммуникативного компонента (с 75,7 до 77,8 %), в чем можно видеть компенсацию неполноты представления коммуникации в свернутом пересказе с помощью более сосредоточенного изображения некоторых важных сцен общения персонажей в прямой речи. Утверждается, что в рассказах, написанных от третьего лица, за столетие увеличился средний удельный вес свернутой речи (с 13,6 до 19,3 %) и наррации (с 65,7 до 77,0 %): авторы рубежа XX–XXI вв. более сжато излагают речь героев, но полнее интерпретируют рассказанное, пренебрегая в представлении общения героев «документальностью» прямой речи.

Ключевые слова: межличностная коммуникация; наррация; прямая речь; свернутая речь; рассказ; диахрония; повествование от первого лица; повествование от третьего лица.

**DIACHRONIC DIFFERENCES IN LITERARY
REPRESENTATION OF COMMUNICATION
(based on the Russian and American short stories
at the turn of the XIX–XX and the XX–XXI centuries)**

A. P. MERCHY^a

^aBelarusian State University, Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

Based on the material of the 24 Russian and American short stories separated by the XX century (approximately with the equal proportion of first-person and third-person narrative for two synchronous turns) it is analyzed the quantitative ratio of the following components of a text: the author's narration, characters' communication, represented in two forms:

Образец цитирования:

Мерчи А. П. Диахронические различия в художественном представлении коммуникации (на материале русских и американских рассказов рубежа XIX–XX и XX–XXI вв.) // Часоп. Беларус. дзярж. ун-та. Філалогія. 2017. № 1. С. 73–83.

For citation:

Merchy A. P. Diachronic differences in literary representation of communication (based on the Russian and American short stories at the turn of the XIX–XX and the XX–XXI centuries). *J. Belarus. State Univ. Philol.* 2017. No. 1. P. 73–83 (in Russ.).

Автор:

Александра Павловна Мерчи – аспирантка кафедры теоретического и славянского языкознания филологического факультета. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Н. Б. Мечковская.

Author:

Aleksandra Merchy, postgraduate student at the department of theoretical and Slavic linguistics, faculty of philology. alexandra.merchi@yandex.ru

as direct speech and as narrator's retelling (more or less compressed speech). It is determined that the average unit weight of a communicative component in the analyzed short stories represents some constant during the XX century and takes about a quarter of the volume of the text while the average unit weight of the direct speech in all the volume of communication is reduced by 1,5 % that shows the reduction of the depiction in representation of communication. In two chronological groups of the short stories the dispersion of the distinctions in unit weights of the communicative component increased significantly during the century: 11,1–70,5 % in the stories of the turn of the XIX–XX centuries and 9,2–44,9 % in the texts of the turn of the XX–XXI centuries; it shows the increase of the variety of the short stories in the aspect of the representation of communication. In the analyzed stories with the first-person narrative the average unit weight of the direct speech as a part of a communicative component increased a little during the century (from 75,7 to 77,8 %): it is possible to observe the compensation of incompleteness of representation of communication in the compressed retelling by means of more concentrated depiction of some important scenes of characters' communication in direct speech. In the stories with the third-person narrative the average unit weight of the compressed speech and the narration increased during the century: the authors represent the speech of the heroes more concisely, but interpret it more fully, neglecting the authenticity of the direct speech in representation of the heroes' communication.

Key words: interpersonal communication; narration; direct speech; compressed speech; short story; diachrony; first-person narrative; third-person narrative.

1. Вопрос об исторических переменах в способах представления коммуникации в художественной прозе. Языковая ткань прозаических произведений состоит из текста рассказчика (наррации) и текста персонажей, причем организующая и связующая роль принадлежит речи нарратора. Повествовательная и драматургическая поэтика разграничивались еще в Античности Платоном и Аристотелем в понятиях «диегесис» (от греч. διήγησις 'повествование') и «мимесис» (от греч. μίμησις 'подобие, подражание'). Для повествователя текст персонажей является своего рода вкраплениями «чужой» речи в нарратив, или, как писал М. М. Бахтин, это «речь в речи, высказывание в высказывании, но в то же время это и речь о речи, высказывание о высказывании» [1, с. 113]. Коммуникативная природа литературы и осуществление внутритекстовой коммуникации давно интересовали крупных специалистов [2–7].

Первоначально эпическое повествование в зачине (вступлении) велось вполне эксплицитным рассказчиком (рапсодом, сказителем былин, эддических преданий, саг), передававшим истории о событиях прошлого, в которых он сам не участвовал. С развитием искусства слова формы повествования изменялись и усложнялись, например когда в наррации стал ощущаться «голос» героя в случае «свободного косвенного дискурса» [8, с. 206]. Во многом именно изменения в формах повествования повлияли на способы представления общения героев.

2. Материал исследования. В качестве источников данного исследования проанализированы 24 русских и американских рассказа рубежа XIX–XX и XX–XXI вв. Произведения представляют собой образцы реалистической литературы и являются немаркированными, т. е. не принадлежат к таким жанровым разновидностям, как детектив, научно-фантастический или мистический, приключенческий, юмористический или сатирический, исторический или авантюрный рассказы и т. д. Подкорпус текстов рубежа XIX–XX вв. (далее – ранние рассказы) представлен произведениями А. И. Куприна, В. В. Вересаева, Дж. Лондона и Э. Уортона, а подкорпус текстов рубежа XX–XXI вв. (далее – поздние рассказы) включает произведения В. А. Пьецуха, В. С. Токаревой, Дж. Лахири и С. Липсайта (табл. 1). Отбор исследуемого материала происходил практически случайным образом: единственным требованием, предъявляемым к текстам, был примерно равный объем рассказов, повествование в которых ведется от первого или третьего лица.

Таблица 1

Материал исследования

Table 1

Research material

№ п/п	Условное обозначение рассказа	Библиографическое описание цитируемого издания	Объем, печатные листы
1	Вер. I-1л	<i>Вересаев В. В.</i> К спеху [1897] // <i>Вересаев В. В. Сочинения</i> : в 4 т. М., 1948. Т. 1. С. 247–251	0,17
2	Вер. II-3л	<i>Вересаев В. В.</i> Встреча [1902] // <i>Вересаев В. В. Сочинения</i> : в 4 т. М., 1948. Т. 1. С. 423–436	0,64
3	Купр. I-1л	<i>Куприн А. И.</i> К славе [1894] // <i>Куприн А. И. Полн. собр. соч.</i> : в 10 т. М., 2006. Т. 2 : Повести. Рассказы. Очерки. Пьеса. С. 423–452	1,55

Окончание табл. 1
Ending table 1

№ п/п	Условное обозначение рассказа	Библиографическое описание цитируемого издания	Объем, печатные листы
4	Купр. II-3л	<i>Куприн А. И.</i> Тапер [1900] // Куприн А. И. Полн. собр. соч. : в 10 т. М., 2006. Т. 2 : Повести. Рассказы. Очерки. Пьеса. С. 460–472	0,61
5	Купр. III-3л	<i>Куприн А. И.</i> Болото [1902] // Куприн А. И. Полн. собр. соч. : в 10 т. М., 2006. Т. 2 : Повести. Рассказы. Очерки. Пьеса. С. 188–204	0,9
6	Lond. I-3л	<i>London J.</i> To the man on trail ‘За человека в пути’ [1898] // <i>London J.</i> The unabridged Jack London. Philadelphia, 1981. P. 65–72	0,43
7	Lond. II-3л	<i>London J.</i> The priestly prerogative ‘Привилегия священника’ [1899] // <i>London J.</i> The unabridged Jack London. Philadelphia, 1981. P. 73–84	0,63
8	Lond. III-1л	<i>London J.</i> The king of the Greeks ‘Король греков’ [1902] // <i>London J.</i> The unabridged Jack London. Philadelphia, 1981. P. 1090–1098	0,51
9	Lond. IV-1л	<i>London J.</i> A raid on the oyster pirates ‘Набег на устричных пиратов’ [1902] // <i>London J.</i> The unabridged Jack London. Philadelphia, 1981. P. 1099–1107	0,52
10	Lond. V-1л	<i>London J.</i> The siege of the «Lancashire Queen» (‘Осада «Ланкаширской королевы»’) [1903] // <i>London J.</i> The unabridged Jack London. Philadelphia, 1981. P. 1108–1116	0,54
11	Whart I-1л	<i>Wharton E.</i> The pelican ‘Пеликан’ // <i>Wharton E.</i> Collected stories 1891–1910. New York, 2001. P. 76–94	1,02
12	Whart II -1л	<i>Wharton E.</i> A journey ‘Поездка’ // <i>Wharton E.</i> Collected stories 1891–1910. New York, 2001. P. 65–75	0,59
13	Пьец. I-1л	<i>Пьецух В. А.</i> Анамнез и Эпикриз [1989] // Пьецух В. А. Я и прочее : циклы, рассказы, повести, роман. М., 1990. С. 125–150	1,31
14	Пьец. II-3л	<i>Пьецух В. А.</i> Он никогда не сидел в тюрьме... [1989] // Пьецух В. А. Искусство существования : эссе, рассказы. М., 2009. С. 169–178	0,4
15	Пьец. III-3л	<i>Пьецух В. А.</i> Авель и сыновья [2001] // Пьецух В. А. Искусство существования: эссе, рассказы. М., 2009. С. 189–197	0,41
16	Пьец. IV-3л	<i>Пьецух В. А.</i> Дачники [2001] // Пьецух В. А. Искусство существования: эссе, рассказы. М., 2009. С. 178–189	0,45
17	Ток. I-1л	<i>Токарева В. С.</i> «Система собак» [1996] // Токарева В. С. Сентиментальное путешествие : рассказы, повести. М., 1998. С. 7–33	1,2
18	Ток. II-1л	<i>Токарева В. С.</i> Искусственный пруд [2012] // Токарева В. С. Короткие гудки: рассказы и повесть. СПб., 2015. С. 76–107	0,82
19	Ток. III-3л	<i>Токарева В. С.</i> Короткие гудки [2012] // Токарева В. С. Короткие гудки : рассказы и повесть. СПб., 2015. С. 49–75	0,72
20	Lah. I-3л	<i>Lahiri J.</i> Interpreter of maladies ‘Толкователь болезней’ [1999] // <i>Lahiri J.</i> Interpreter of maladies. London, 1999. P. 43–69	1,14
21	Lah. II-3л	<i>Lahiri J.</i> Mrs. Sen’s ‘Миссис Сен’ [1999] // <i>Lahiri J.</i> Interpreter of maladies. London, 1999. P. 111–135	1,07
22	Lah. III-1л	<i>Lahiri J.</i> The third and final continent ‘Третий и последний континент’ [1999] // <i>Lahiri J.</i> Interpreter of maladies. London, 1999. P. 173–198	1,08
23	Lip. I-1л	<i>Lipsyte S.</i> This appointment occurs in the past ‘Эта встреча происходит в прошлом’ [2012] // <i>Lipsyte S.</i> New American stories. New York, 2015. P. 256–275	0,74
24	Lip. II-3л	<i>Lipsyte S.</i> The naturals ‘Обычные люди’ [2014] // <i>Lipsyte S.</i> The New Yorker [Electronic resource]. 2015. URL: http://www.newyorker.com/magazine/2014/05/05/the-naturals (date of access: 06.06.2016)	0,77

3. Оппозиции текстовых компонентов рассказа, соотношение которых значимо для характеристики способов представления коммуникации в произведении. По отношению к представленной в рассказе межличностной коммуникации героев наррация выступает как тот событийно-информационный фон, контекст, в котором с разной полнотой отражено общение персонажей. По своему

содержанию наррация неоднородна: в нее включено не только собственно повествование (рассказ о событиях, описываемых в произведении) в его разных формах (например, свободный косвенный дискурс), но и иные композиционные элементы: характеристики; описания пейзажей, интерьеров, портретов; комментарии и размышления рассказчика, его лирические отступления и др. В совокупности коммуникация и наррация образуют ткань всего текста. Так, в приведенном ниже фрагменте коммуникативным компонентом является прямая речь двух героев, а наррацией – авторское сопровождение прямой речи, выделенное в цитате:

– Никто меня не понимает, – услышал я сквозь рыдания, а чей-то голос с другого конца
стола запел что есть мочи:
И никому меня не жаль (Купр. I-1л, с. 444)¹.

Коммуникативный компонент представлен в художественном тексте в двух формах: как прямая речь и как авторский пересказ речи или разговоров героев, который может быть в разной степени свернутым. В аспекте противопоставления «изображение vs интерпретация» прямая речь изображает живое общение героев, а свернутая речь модифицирует его по авторскому усмотрению и поэтому выступает интерпретирующим представлением коммуникации.

В одних случаях речь героев может быть максимально свернута: *Charley walked aft and spoke to him [Taft]* (Lond. IV-1л, р. 1115) ‘Чарли пошел на корму и заговорил с ним [Тафтом]’². В данном контексте важно только указание на контакт, имеющий значение для героев. В других случаях свернутая речь становится близкой к передаваемой «предположительной» реплике: *Он сознался, что увлекся, что ему не следовало бы всего этого говорить и что в конце концов он согласен давать уроки* (Купр. I-1л, р. 434). Во фрагментах свернутой речи передаются и сложные речевые действия, состоящие из ряда речевых актов: споры, ссоры, обсуждения, уговоры и др. (о сложных речевых действиях см. [9, с. 159; 10]). Предельно компрессированная передача коммуникации наблюдается в данном фрагменте: *Мы с Ханной пили кофе и беседовали* (Ток. II-1л, с. 81). Основными моделями свернутого представления речи героев являются следующие: 1) удержание темы реплики или диалогического единства (*В следующую пятницу, когда они снова сошлись в «Кристалле», Коромыслов рассказал Арнольду о человеке с необыкновенно высоким лбом и отдал пакет* (Пьец. II-3л, с. 172)); 2) представление ремы речевого действия (*Ты говоришь, говоришь и слушаешь меня* (Ток. I-1л, с. 22)); 3) удержание темы и ремы реплики или диалогического единства (*Валька любил говорить о тебе гадости* (Ток. I-1л, с. 25)); 4) «реконструирование» автором иллокутивных сил высказывания (*Я торопливо попрощалась и покинула дом Ханны* (Ток. II-1л, с. 87)); 5) представление нескольких содержательных компонентов реплики (*Я позвонила домой Вальке и сообщила с ленцой: вряд ли у меня получится по времени, меня пригласили на другой фильм* (Ток. I-1л, с. 11)); 6) пересказ содержания реплики с «цитатным» словом или словосочетанием (*Не далее как на прошлое Рождество ее [Тину] в это время запирали с младшей сестрой Катей и с ее сверстницами в детскую, уверяя, что в зале нет никакой елки, а что «просто только пришли полотеры»* (Купр. II-3л, с. 331)).

Передача автором речи или разговора героев практически не соответствует той, которая в нормативных грамматиках называется «косвенная речь», представляемая в форме изъяснительного предложения [11, с. 485]. В косвенной речи содержится лексика прямой речи и регулярно меняются показатели лица, иногда в ней также редуцируется, отчасти нейтрализуется эмоционально-модальное содержание. Сравним, например, прямую речь и ее косвенную передачу: *«Ты что несешься как угорелый, я не поспеваю», – сердился Степка / Степка сердился, что я несусь (иду, бегу слишком быстро) как угорелый и он не поспевает за мной.*

Инструментами интерпретации свернутой речи являются более или менее сжатый пересказ диктального содержания речи и (или) экспликация модуса путем раскрытия иллокуции реплики. Так, во фрагменте *В четверг Арнольд позвонил Коромыслову на работу и сообщил, будто бы бандиты велели им немедленно явиться на «малину» для объяснений* (Пьец. II-3л, с. 173) свернутая речь включает иллокутивный глагол речи (*сообщил*) и изложенное повествователем содержание, присоединенное с помощью союза *будто бы*, который указывает на неуверенность говорящего в достоверности передаваемой информации. В объем свернутой речи не входят обозначения коммуникантов.

¹Сокращенные ссылки на цитируемые рассказы раскрыты в табл. 1 «Материал исследования». При цитировании фамилия автора передается сокращенно; порядковый номер рассказа, обозначенный римской цифрой, в корпусе произведений конкретного автора соответствует хронологии написания; обозначения «1л» и «3л» указывают на форму повествования от первого или третьего лица соответственно.

²Семантизация английских фрагментов текстов (в том числе названий рассказов) представляет собой дословный перевод и отличается от изданных художественных переводов.

4. Методика выделения и количественной оценки объема нарративного и коммуникативного фрагментов текста, а также фрагментов, передающих свернутую речь героев. Для характеристики способов представления коммуникации важно дать количественную оценку удельного веса четырех текстовых компонентов в ткани рассказа. В рамках данного исследования объемы рассматриваемых рассказов и всех перечисленных компонентов текста в знаках были переведены в печатные листы из расчета 40 тыс. знаков с пробелами на 1 печатный лист (см. табл. 1). Для определения объема прямой речи из текстов рассказов были вычленены собственно реплики героев без авторских сопровождений. Основанием для выделения фрагментов свернутой речи являлось наличие глагола речи или его контекстуального синонима (например, *случился диспут*) и синтаксически зависимой группы, передающей содержание разговора. Для каждого рассказа было вычислено процентное соотношение коммуникации к общему объему произведения и удельный вес прямой и свернутой речи в общем объеме коммуникативного компонента.

5. Изменение соотношения текстовых компонентов в оппозициях, релевантных для представления общения героев. Сравним средний удельный вес коммуникативного компонента и прямой речи внутри коммуникации в ранних и поздних рассказах (табл. 2).

Таблица 2

**Оппозиция «наррация vs коммуникация» и «прямая vs свернутая речь»
в диахроническом аспекте на материале исследованных рассказов**

Table 2

**The opposition «narration vs communication» and «direct vs compressed speech»
in diachronic aspect based on the material of the analyzed short stories**

Название компонента	Среднеарифметический показатель удельного веса компонентов в структуре текста рассказа, %	
	Ранние рассказы	Поздние рассказы
Коммуникация персонажей во всем текстовом объеме произведений	29,4	24,7
Прямая речь во всем объеме коммуникации	81,0	79,5
Прямая речь во всем текстовом объеме произведений	24,9	20,4

Примечание. Составлено автором.

Средний удельный вес коммуникативного компонента (в двух его разновидностях – прямой и свернутой речи) в рассмотренных русских и американских рассказах на протяжении XX в. представлял собой некоторую константу, заполняя примерно четверть объема произведения.

Средний удельный вес прямой речи в составе коммуникативного компонента в поздних рассказах уменьшился на 1,5 % (по сравнению с ранними рассказами), что говорит о снижении изобразительности в представлении общения. В целом за столетие средний удельный вес прямой речи в общем объеме проанализированных произведений также уменьшился, о чем свидетельствуют данные табл. 2. В рассмотренных произведениях современной художественной прозы почти не представлены длинные диалоги героев, с помощью которых писатели раньше создавали образы персонажей. Авторы проанализированных поздних рассказов предпочитают передавать речь героев своими словами, тем самым ускоряя развитие сюжета. В целом передача речи становится фрагментарной. Снижение удельного веса прямой речи в современной прозе, в частности в русских, белорусских и немецких повестях, исследователи связывают с семиотической тенденцией к более лаконичной передаче информации, в том числе художественной: «Синтаксически развернутая, интеллектуально и идеологически насыщенная речь героев стала восприниматься как искусственная, неправдоподобная» [12, с. 458]. Современные писатели стремятся к реалистичному отражению речи героев; в прозе преобладают короткие реплики, полупустые в информационном плане, однако изображающие живую и естественную речь.

5.1. Изменения в пропорциях наррации и коммуникации. В табл. 3 показан удельный вес коммуникативного компонента в корпусе ранних рассказов с формой повествования от первого лица. Цифры позволяют судить о соотношении коммуникации и наррации в каждом отдельном тексте, поскольку названные компоненты в совокупности образуют ткань всего рассказа (100 %). При уменьшении удельного веса коммуникации увеличивался удельный вес наррации.

Таблица 3

Рейтинг ранних рассказов с повествованием от первого лица,
составленный по убыванию коммуникативного компонента текста

Table 3

The rating of the analyzed early short stories with the first-person narrative arranged
according to the decrease of the communicative component of the text

Автор, название рассказа	Удельный вес коммуникативного компонента текста, %
Уортон Э. <i>The pelican</i> 'Пеликан'	38,2
Вересаев В. В. К спеху	29,5
Куприн А. И. К славе	27,7
Лондон Дж. <i>A raid on the oyster pirates</i> 'Набег на устричных пиратов'	25,0
Лондон Дж. <i>The king of the Greeks</i> 'Король греков'	15,7
Лондон Дж. <i>The siege of the «Lancashire Queen»</i> 'Осада «Ланкаширской королевы»'	11,1
Средний удельный вес	19,9

Из табл. 3 видно, что коммуникативный компонент занимает небольшой объем в ранних рассказах с повествованием от первого лица. В произведении Э. Уортон коммуникация представлена в большем объеме. Диегетический нарратор¹ в рассказе *The pelican* 'Пеликан' ограничен в своих знаниях и восприятии происходящего своим «полем зрения» как очевидец событий, поэтому наиболее полно – в виде реплик прямой речи – он передает разговоры, в которых принимал участие сам.

В табл. 4 показан удельный вес коммуникативного компонента в подвыборке поздних рассказов с формой повествования от первого лица.

Таблица 4

Рейтинг рассмотренных поздних рассказов с повествованием от первого лица,
составленный по убыванию коммуникативного компонента текста

Table 4

The rating of the analyzed late short stories with the first-person narrative arranged
according to the decrease of the communicative component of the text

Автор, название рассказа	Удельный вес коммуникативного компонента текста, %
Пьецух В. А. Анамнез и Эпикриз	44,3
Липсайт С. <i>This appointment occurs in the past</i> 'Эта встреча происходит в прошлом'	36,5
Токарева В. С. Искусственный пруд	31,7
Лахири Дж. <i>The third and final continent</i> 'Третий и последний континент'	13,0
Токарева В. С. «Система собак»	9,2
Средний удельный вес	26,9

Самый высокий удельный вес коммуникативного компонента отмечен в практически бессюжетном рассказе В. А. Пьецуха «Анамнез и Эпикриз», действие которого происходит в больничной палате, в которой собралась довольно пестрая мужская компания: милиционер, грузчик, мелкий профсоюзный работник, слесарь-наладчик, профессиональный вор и рассказчик – «гнилой интеллигент» (по заключению персонажей):

Тут в перепалку вмешался я:

– Послушайте, Эдуард, вы все-таки тоже держите себя в руках.

– А гнилой интеллигенции мы вообще не давали слова, – отбрил меня Чегодаев

(Пьец. I-1л, с. 143).

¹В нарратологии – теории повествования, в которой тесно переплетены идеи структуралистов и коммуникативные представления о природе словесного искусства, – предлагают различать диегетического и недиегетического нарратора с учетом присутствия рассказчика в повествуемом мире [7, с. 82].

В этом же рассказе выявлен самый высокий удельный вес прямой речи в общем объеме коммуникативного компонента среди поздних рассказов с формой повествования от первого лица. Герои произведения общаются «от нечего делать», рассказывая друг другу свои истории, и изредка спорят.

Средний удельный вес коммуникации в рассмотренных поздних рассказах более высокий, чем в ранних рассказах, что может свидетельствовать об усилении писательских представлений о важности общения персонажей и передаваемой ими информации в описываемых историях.

Дисперсность различий удельного веса коммуникативного компонента в корпусе ранних рассказов с повествованием от первого лица составляет 11,1–38,2 %, в то время как в поздних рассказах с аналогичной формой изложения этот процент выходит за границы и минимального, и максимального показателей удельного веса коммуникации в ранних рассказах (9,2–44,3 %). Это говорит о том, что в современной прозе повысилось разнообразие форм в аспекте представления коммуникации.

Для определения изменений в соотношении обозначенных текстовых компонентов сравним результаты анализа на материале ранних рассказов с повествованием от третьего лица (табл. 5, 6).

Таблица 5

Рейтинг исследованных ранних рассказов с повествованием от третьего лица, составленный по убыванию коммуникативного компонента текста

Table 5

The rating of the analyzed early short stories with the third-person narrative arranged according to the decrease of the communicative component of the text

Автор, название рассказа	Удельный вес коммуникативного компонента текста, %
Вересаев В. В. Встреча	70,5
Лондон Дж. <i>To the man on trail</i> 'За человека в пути'	39,5
Лондон Дж. <i>The priestly prerogative</i> 'Привилегия священника'	33,3
Куприн А. И. Болото	27,8
Куприн А. И. Тапер	21,3
Уортон Э. <i>A journey</i> 'Поездка'	13,6
Средний удельный вес	34,3

Высокий удельный вес коммуникативного компонента в рассказе В. В. Вересаева «Встреча» связан с композицией произведения: основу текста составляет длинный диалог, направление которого задается «запутанным» жизнью учителем математики из Москвы.

В табл. 6 показан удельный вес коммуникативного компонента в подвыборке поздних рассказов с формой повествования от третьего лица.

Таблица 6

Рейтинг исследованных поздних рассказов с повествованием от третьего лица, составленный по убыванию коммуникативного компонента текста

Table 6

The rating of the analyzed late short stories with the third-person narrative arranged according to the decrease of the communicative component of the text

Автор, название рассказа	Удельный вес коммуникативного компонента текста, %
Пьецух В. А. Дачники	44,9
Липсайт С. <i>The naturals</i> 'Обычные люди'	32,5
Лахири Дж. <i>Interpreter of maladies</i> 'Толкователь болезней'	26,3
Лахири Дж. <i>Mrs. Sen's</i> 'Миссис Сен'	20,6
Пьецух В. А. Авель и сыновья	14,6
Пьецух В. А. Он никогда не сидел в тюрьме...	12,5
Токарева В. С. Короткие гудки	9,7
Средний удельный вес	23,0

Среди рассмотренных поздних рассказов самым высоким показателем удельного веса коммуникативного компонента выделяется произведение В. А. Пьецуха «Дачники». Во многом это обусловлено передачей автором «болтовни» персонажей, мало значимой для развития сюжета. По существу, в рассказе нет событий, создающих сюжет: *...чуть ли не каждый вечер собиралась компания деревенских соседей, которые почти не знали в Москве, а тут любили посидеть вместе, потолковать о том о сем, выпить и закусить* (Пьец. IV-3л, с. 179). Полилог героев совершенно бессодержателен: герои не спорят друг с другом и не соглашаются, они «просто говорят», не слушая друг друга (нет «обратной связи», когда на реплики говорящего следует вербальная или невербальная реакция адресата).

Сопоставление двух хронологических групп рассказов с формой повествования от третьего лица показывает, что средний удельный вес коммуникации за столетие снизился на 11,3 %. Соответственно, в рассмотренных рассказах на протяжении века усиливалась значимость нарративного компонента, т. е. непосредственного авторского голоса (интерпретативного и пренебрегающего подробностями коммуникативной деятельности героев), в ущерб «самостоятельности» персонажей.

5.2. Изменения в пропорциях прямой и свернутой речи. Уменьшение объема прямой речи в коммуникативном компоненте произведений означает возрастание объема свернутой речи и повышение интерпретативности представления общения. Сравним удельный вес прямой речи в подвыборке ранних рассказов с формой повествования от первого лица (табл. 7).

Таблица 7

Рейтинг рассмотренных ранних рассказов с повествованием от первого лица, составленный по убыванию удельного веса прямой речи в коммуникативном компоненте текста

Table 7

The rating of the analyzed early short stories with the first-person narrative arranged according to the decrease of the unit weight of the direct speech within the communicative component

Автор, название рассказа	Удельный вес прямой речи в составе коммуникативного компонента текста, %
Вересаев В. В. К спеху	99,6
Лондон Дж. <i>A raid on the oyster pirates</i> 'Набег на устричных пиратов'	84,6
Куприн А. И. К славе	76,7
Лондон Дж. <i>The king of the Greeks</i> 'Король греков'	75,0
Лондон Дж. <i>The siege of the «Lancashire Queen»</i> 'Осада «Ланкаширской королевы»'	66,7
Уортон Э. <i>The pelican</i> 'Пеликан'	51,3
Средний удельный вес	75,7

В рассказе В. В. Вересаева практически весь коммуникативный компонент состоит из прямой речи. Из разговоров героев читатель, как и рассказчик-протагонист, узнает о том, что крестьянин, оставшись с тремя детьми на руках после смерти жены, ездит по деревням и ищет «к спеху» жену-работницу в страдную пору.

Презумпция автобиографизма (*я сам это видел*), характерная для повествования с формой изложения от первого лица [13, с. 346], реализуется в цикле рассказов Дж. Лондона «Рассказы рыбацкого патруля», которые представлены в табл. 7. Сюжеты этих произведений строятся отчасти на реальных событиях из жизни автора: пятнадцатилетним подростком Дж. Лондон попал на службу в рыбацкий патруль, который боролся с браконьерами, и прослужил там около двух лет. Так, в рассказе *A raid on the oyster pirates* 'Набег на устричных пиратов' диегетический повествователь как будто воссоздает события и историю в целом такими, какими они были на самом деле. Через реплики прямой речи герои и читатель узнают о щедром вознаграждении, обещанном неким владельцем устричных отмелей тому, кто сможет захватить с поличным браконьеров, о внедрении патрульных в банду «устричных пиратов» и т. д.

Сравним удельный вес прямой речи в выборке поздних рассказов с формой повествования от первого лица (табл. 8).

Таблица 8

Рейтинг рассмотренных поздних рассказов с повествованием от первого лица, составленный по убыванию удельного веса прямой речи в коммуникативном компоненте текста

Table 8

The rating of the analyzed late short stories with the first-person narrative arranged according to the decrease of the unit weight of the direct speech within the communicative component

Автор, название рассказа	Удельный вес прямой речи в составе коммуникативного компонента текста, %
Пьецух В. А. Анамнез и Эпикриз	96,6
Липсайт С. <i>This appointment occurs in the past</i> 'Эта встреча происходит в прошлом'	88,9
Токарева В. С. «Система собак»	81,8
Лахири Дж. <i>The third and final continent</i> 'Третий и последний континент'	64,3
Токарева В. С. Искусственный пруд	57,7
Средний удельный вес	77,8

Из табл. 7 и 8 видно, что в поздних рассказах с формой повествования от первого лица в структуре коммуникативного компонента несколько вырос по сравнению с ранними рассказами средний удельный вес прямой речи – с 75,7 до 77,8 %. Возможно, эти различия говорят об «интуитивном» стремлении авторов компенсировать беглость, «пунктирность» представления коммуникации в свернутом пересказе с помощью более сосредоточенного «цитатного» (в прямой речи) изображения некоторых важных сцен общения.

Сравним удельный вес прямой речи в составе коммуникативного компонента в выборке ранних рассказов с формой повествования от третьего лица (табл. 9).

Таблица 9

Рейтинг исследованных ранних рассказов с повествованием от третьего лица, составленный по убыванию удельного веса прямой речи в коммуникативном компоненте текста

Table 9

The rating of the analyzed early short stories with the third-person narrative arranged according to the decrease of the unit weight of the direct speech within the communicative component

Автор, название рассказа	Удельный вес прямой речи в составе коммуникативного компонента текста, %
Вересаев В. В. Встреча	99,8
Куприн А. И. Болото	96,0
Лондон Дж. <i>The priestly prerogative</i> 'Привилегия священника'	95,2
Лондон Дж. <i>To the man on trail</i> 'За человека в пути'	88,2
Куприн А. И. Тапер	76,9
Уортон Э. <i>A journey</i> 'Поездка'	62,5
Средний удельный вес	86,4

Основной объем прямой речи в рассказе В. В. Вересаева «Встреча» составляет диалог между бывшими соседями-студентами: Вязовым, ныне земским статистиком, и Смирницким, учителем математики московской гимназии. Прерывающий речь своего земского, Смирницкий «полон только собой»: разговорами о работе, личной жизни и многочисленных страхах.

Сравним удельный вес прямой речи в составе коммуникативного компонента в корпусе поздних рассказов с формой изложения от третьего лица (табл. 10).

Таблица 10

Рейтинг исследованных поздних рассказов с повествованием от третьего лица,
составленный по убыванию удельного веса прямой речи
в коммуникативном компоненте текста

Table 10

The rating of the analyzed late short stories with the third-person narrative arranged
according to the decrease of the unit weight of the direct speech
within the communicative component

Автор, название рассказа	Удельный вес прямой речи в составе коммуникативного компонента текста, %
Пьецух В. А. Дачники	99,0
Липсайт С. <i>The naturals</i> 'Обычные люди'	92,0
Пьецух В. А. Авель и сыновья	83,3
Пьецух В. А. Он никогда не сидел в тюрьме...	80,0
Лахири Дж. <i>Mrs. Sen's</i> 'Миссис Сен'	72,7
Токарева В. С. Короткие гудки	71,4
Лахири Дж. <i>Interpreter of maladies</i> 'Толкователь болезней'	66,7
Средний удельный вес	80,7

Высокий удельный вес прямой речи в рассказе В. А. Пьецуха «Дачники», где свернутая речь составляет только 1 % в общем объеме коммуникации, объясняется карикатурностью многословного и пусто-порожного разговора героев.

В трех первых по рейтингам ранних и поздних рассказах с формой повествования от третьего лица объем прямой речи весьма высок: изображение разговоров героев существенно превышает объем авторской интерпретации общения. Однако в поздних рассказах постепенно повышается интерпретативность передачи коммуникации в связи с уменьшением объема прямой речи и увеличением доли свернутой речи: ее средний удельный вес в поздних рассказах составляет 19,3 %, в то время как в ранних рассказах он равен 13,6 %. Средний удельный вес прямой речи в составе коммуникативного компонента в рассказах с формой повествования от третьего лица за столетие уменьшился на 5,7 %. Заметим, что если бы в выборку не попал рассказ «Дачники» с длинными и пустыми разговорами, то показатель среднего удельного веса прямой речи был бы еще ниже.

6. Заключение. В целом за столетие средний показатель удельного веса коммуникативного компонента в рассказах снизился на 4,7 %, в то время как средний удельный вес прямой речи в составе коммуникативного компонента уменьшился незначительно. Вместе с тем произошло усиление различий между рассказами с формами повествования от первого и третьего лица в соотношении текстовых компонентов, значимых для представления общения героев. В рассказах с формой повествования от первого лица рассказчик стал более внимателен к изображению той коммуникации, которую он наблюдает и особенно в которой он (диегетический нарратор) участвует, поэтому доля прямой речи и коммуникации в них ниже, чем в рассказах с формой повествования от третьего лица. В текстах с формой повествования от третьего лица за столетие вырос средний удельный вес свернутой речи (с 13,6 до 19,3 %) и наррации (с 65,7 до 77,0 %). Современные авторы более сжато излагают речь героев, но полнее интерпретируют рассказанное, пренебрегая в представлении общения героев «документальностью» прямой речи.

Библиографические ссылки

1. [Бахтин М. М.], Волошинов В. Н. Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Л., 1930.
2. Виноградов В. В. Язык литературно-художественного произведения // Виноградов В. В. Избранные труды. О языке художественной прозы. М., 1980. С. 56–97.
3. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. 2-е изд. М., 1963.
4. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров. М., 1979.
5. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970.
6. Успенский Б. А. Поэтика композиции (структура художественного текста и типология композиционной формы). М., 1970.
7. Шмид В. Нарратология. 2-е изд., испр. и доп. М., 2008.

8. Падучева Е. В. Семантика нарратива // Семантические исследования: семантика времени и вида в русском языке, семантика нарратива. М., 1996. С. 193–404.
9. Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект / под ред. Е. А. Земской. М., 1993. С. 158–217.
10. Гиндин С. И. Речевые действия и речевые произведения // Логический анализ языка. Язык речевых действий / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М., 1994. С. 59–63.
11. Русская грамматика : в 2 т. / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980. Т. 2 : Синтаксис.
12. Мечковская Н. Б., Казанкова Е. А. Коммуникативные партии персонажей и заботы нарратора в семиотике художественной прозы // Przegląd Wschodnioeuropejski. 2010. № 1. S. 447–475.
13. Атарова К. Н., Лескис Г. А. Семантика и структура повествования от первого лица в художественной прозе // Изв. Акад. наук СССР. Сер. литературы и языка. 1976. Т. 35, № 4. С. 343–356.

References

1. [Bakhtin M. M.], Voloshinov V. N. Marksizm i filosofiya yazyka. Osnovnye problemy sotsiologicheskogo metoda v nauke o yazyke [Marxism and the Philosophy of Language. Basic problems of the sociological method in the science of language]. Leningrad, 1930 (in Russ.).
2. Vinogradov V. V. Yazyk literaturno-khudozhestvennogo proizvedeniya [The language of work of art]. In: Vinogradov V. V. *Izbrannye trudy. O yazyke khudozhestvennoi prozy*. Moscow, 1980. P. 56–97 (in Russ.).
3. Bakhtin M. M. Problemy poetiki Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's Poetics]. 2nd ed. Moscow, 1963 (in Russ.).
4. Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva [The Aesthetics of Verbal Art]. Moscow, 1979 (in Russ.).
5. Lotman Y. M. Struktura khudozhestvennogo teksta [The structure of the artistic text]. Moscow, 1970 (in Russ.).
6. Uspenski B. A. Poetika kompozitsii (struktura khudozhestvennogo teksta i tipologiya kompozitsionnoi formy) [The poetics of composition (The structure of the artistic text and the typology of a compositional form)]. Moscow, 1970 (in Russ.).
7. Schmid V. Narratologiya [Naratology]. 2nd ed. Moscow, 2008 (in Russ.).
8. Paducheva E. V. Semantika narrativa [The semantics of narrative]. In: *Semanticheskie issledovaniya: semantika vremeni i vida v russkom yazyke, semantika narrativa*. Moscow, 1996. P. 193–404 (in Russ.).
9. Glovinskaya M. Y. Semantika glagolov rechi s tochki zreniya teorii rechevykh aktov [The semantics of the verbs of speech from the point of view of the theory of speech acts]. In: *Russkii yazyk v ego funktsionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt*. Moscow, 1993. P. 158–217 (in Russ.).
10. Gindin S. I. Rechevye deistviya i rechevye proizvedeniya [Speech acts and speech events]. In: *Logicheskij analiz yazyka. Yazyk rechevykh dejstvij*. Moscow, 1994. P. 59–63 (in Russ.).
11. Russkaya grammatika [Russian grammar] : in 2 vol. Moscow, 1980. Vol. 2 : Sintaksis.
12. Mechkovskaya N. B., Kazankova E. A. The communicative parts of the heroes and the narrator's concern in semiotics of the artistic prose. *Prz. Wschodnioeuropejski*. 2010. No. 1. P. 447–475 (in Russ.).
13. Atarova K. N., Lesskis G. A. Semantika i struktura povestvovaniya ot pervogo litsa v khudozhestvennoi proze [The semantics and the structure of 1-person narrative in the artistic prose]. *Izv. Akad. nauk SSSR. Ser. literatury i yazyka*. 1976. Vol. 35, No. 4. P. 343–356 (in Russ.).

Статья поступила в редколлегию 02.11.2016.
Received by editorial board 02.11.2016.